
ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 087.5

DOI: 10.31249/lit/2025.01.05

СЕРГЕЕВА В.С.¹ ПЕРЕДАЧА ИСТОРИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ©

Аннотация. Передача историко-культурного наследия детям – важная проблема любой национальной литературы; авторы здесь решают такие задачи, как правильная расстановка акцентов, выбор ключевых событий, описание культурных констант. Дж.А. Генти создает образ юного британца, неизменный на протяжении всех эпох – именно эта преемственность сделала Британскую империю могучей державой. Р. Киплинг и У. Мэйн обращают взгляд в историко-легендарное прошлое, делая отправной точкой повествования символически значимые локусы. Герои Р. Джеффриза опираются в своих играх на книги, составляющие круг чтения «типичного английского мальчика»; повествования об исторических деятелях, героях древности, путешественниках способствуют формированию характера. Т. Пратчетт отсылает к Викторианской эпохе как общепонятному культурному фону, а в цикле про Тиффани создает локальный текст в традициях Киплинга, обращаясь к теме памяти, «малой родины», традициям предков. Дж. Роулинг восстанавливает в жанре фэнтези каноны «школьной повести», которые предлагались читателям начиная с Т. Хьюза. Д. Уольтамс, высмеивая стереотипы, рисует тем не менее узнаваемую картину «малой Британии».

Ключевые слова: детская литература; английская литература; память; история; историческая проза; фэнтези.

---

¹ Сергеева Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, ORCID: 0000-0003-4693-7723; yogik84@mail.ru

© Сергеева В.С., 2025

Для цитирования: Сергеева В.С. Передача исторической и культурной памяти в английской детской литературе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 1. – С. 67–84. – DOI: 10.31249/lit/2025.01.05

Получена: 14.05.2024

Принята к печати: 30.11.2024

SERGEEVA V.S.¹ Transition of the historical and cultural memory in the English children's literature©

Abstract. The transition of historical and cultural heritage to children is an important problem of any national literature; authors have to place accents appropriately, choose key events and describe cultural constants. G.A. Henty creates the image of a young Briton which remains unchanged for centuries; this succession, indeed, made the British Empire so powerful. R. Kipling and W. Mayne focus on the historical and legendary past making the symbolically significant locations a starting point of their stories. R. Jefferies' characters draw on the books shaping a circle of reading of a "typical English boy"; stories about historical persons, ancient heroes and travelers contribute to self-building. T. Pratchett refers to the Victorian age as a generally understandable cultural background and, in his cycle about Tiffany, writes a local text in Kipling's traditions referring to the theme of the memory, homeland, ancestral customs. J. Rowling reconstructs, in the genre of fantasy, certain rules of a "school story" that were offered to the readers since T. Hughes's novel. D. Walliams, while laughing at stereotypes, paints nevertheless a familiar picture of the "little Britain".

Key words: children's literature; English literature; memory; history; historical prose; fantasy.

To cite this article: Sergeeva, Valentina S. "Transition of the historical and cultural memory in the English children's literature", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2025, pp. 67–84. DOI: 10.31249/lit/2025.01.05 (In Russian)

Received: 14.05.2024

Accepted: 30.11.2024

Историческое прошлое своей страны, культурные традиции, ключевые имена и события, ряд «сформировавшихся историче-

---

¹ **Valentina S. Sergeeva** – Candidate of Philological Studies, Senior Researcher at the Literary Theory Department, Gorky Institute of the World Literature RAS; ORCID: 0000-0003-4693-7723; yogik84@mail.ru

© Sergeeva V.S., 2025

ски» устойчивых качеств, приобретение которых важно для успешного вхождения ребенка и подростка в социум, – которые, собственно, и делают молодого члена общества принадлежащим именно этому обществу, – всё это важные для детской литературы темы. Раскрываться они могут разными способами, будь то историческая повесть с более или менее отчетливой педагогической интенцией, сказочное повествование о соприкосновении обычного и волшебного миров, постмодернистское фэнтези, создающее альтернативную историю, школьная повесть или пародия, высмеивающая национальные стереотипы.

Джордж Альфред Генти (1832–1902), популярный автор приключенческих повестей для юношества, посвященных, в большинстве своем, славному прошлому Англии и охватывающих самые разные эпохи, от Древнего мира до современных ему англо-индийских компаний, в большинстве случаев делает героем своих произведений молодого человека 14–17 лет. Главный герой становится участником знаковых исторических событий (Нормандское завоевание, Крестовый поход, Столетняя война, Наполеоновские войны, восстание Уота Тайлера, освоений колоний и т.д.) или волею случая оказывается в экстремальной ситуации, из которой ему придется выпутываться при помощи навыков и черт, привитых правильным воспитанием. Молодой британец храбр, решителен, инициативен, стоек, он способен довольствоваться малым, никогда не теряет чувства юмора и твердо исполняет свой долг; он природный лидер; наконец, он крепок не только духом, но и телом – он умеет плавать, грести, охотиться, у него крепкие кулаки, которые, впрочем, он не пускает в ход без необходимости. Иными словами, это человек, способный о себе позаботиться и воплощающий собой «английскость» (Englishness); немалую роль в его формировании играет система социальных институтов, в частности public school. Из пережитого с честью испытания герой выходит уже не мальчиком, а мужчиной. Герой повести «С Клайвом в Индии, или Начало империи» (*With Clive in India, or The Beginnings of an Empire*, 1888), шестнадцатилетний Чарли Мариатт, с раннего детства занимается различными видами спорта. Благодаря хорошей физической форме он получает возможность принять участие в опасной миссии, для исполнения которой юноше придется преодолевать бурные реки и покорять горы. Описание юного Чарли в начале книги типично для героев Генти:

Он был сложен изящно, но его товарищи знали, что мышцы у Чарли Мариатта столь же сильны и крепки, как у любого другого мальчика в школе. Во всех видах спорта, требовавших не столько веса и силы, сколько ловкости и выдержки, он всегда преуспевал. Никто не мог состязаться с ним в беге на длинные дистанции; когда мальчики играли в салочки, поймать его было невозможно. Он был превосходным пловцом и одним из лучших боксеров в школе. Было хорошо известно, что он возглавлял любую шалость, любую проказу; но Чарли был честен и мужествен, он отказывался защищать себя даже подобием лжи и пользовался любовью как наставников, так и школьных товарищей [Henty, 2006].

Сильны у Генти и традиции робинзоны: героям нередко приходится странствовать по опасным малоизученным территориям; и, если описание военных действий зачастую дается скупое, в энциклопедическом духе, то рассказ о том, как герой строил себе лодку или искал убежище на ночь, может быть гораздо пространнее. Юный рыцарь Катберт, спасаясь из сарацинского плена, вынужден преодолевать пустыню; Эдгар Бледгроув находится в Египте во время наполеоновской кампании; Чарли Мариатт оказывается в индийских джунглях; Годфри Буллен, клерк британской торговой фирмы в России, возвращается домой после длительного путешествия по ледяным просторам Сибири, и т.д. Однако если Робинзон читает Библию, то Годфри Буллен утешается, вспоминая биографии знаменитых английских путешественников – Стенли и Ливингстона.

В рассказах Р. Киплинга (*Puck of Pook's Hill*, 1906; *Reward and Fairies*, 1910) представлена концепция, которую можно назвать «археологическим воображением». Этот термин (*archaeological imagination*) восходит к одной из основополагающих концепций романтической литературы, активно действующему воображению, которое представляет собой внезапную вспышку, пробуждение памяти, «озарение» при виде некоего объекта прошлого, будь то древний курган, развалины средневекового замка или наконечник неолитической стрелы; благодаря этому озарению герой видит картины былого, не фантазируя и не «выдумывая» их¹.

---

¹ Термин «archaeological imagination» был впервые приложен к детской литературе в фундаментальной диссертации Н. Кэмпбелла «Детский неоромантизм: археологическое воображение в детском послевоенном фэнтези» [Campbell, 2017]. О творящем воображении и «озарении» см. также: [Велигорский, 2019].

В англоязычном литературоведении эти произведения Киплинга часто называют фэнтези (contemporary fantasy) или «историческим фэнтези». Двум детям, Дэну и Юне, проводящим лето в Сассексе, встречается волшебное существо по имени Пак, который знакомит их с историческим и легендарным прошлым Англии. Это цикл коротких рассказов, в которых повествователем выступает сам Пак или люди, вызванные им из разных эпох. Волшебные элементы включены в истории о реальном прошлом – и в то же время, благодаря волшебному рассказчику, мы видим магию существующей и активно действующей в Англии начала XX в., когда была написана книга, даже несмотря на то что «холмы пусты, и все их обитатели ушли»¹ [Kipling, 1996]. Для Киплинга реальное и волшебное слиты воедино². В первой книге мы узнаем, что отец Дэна и Юны выбрал для них из «Сна в летнюю ночь» несколько сценков; так и Пак представляет большую историю Британии в малом формате, в виде отдельных эпизодов, перескакивая из отдаленного прошлого в менее отдаленное, потом обратно и т.д. Пак входит в «реальный» мир Дэна и Юны (который одновременно является миром автора и читателя) и ведет их в магический мир прошлого. Несомненно, *Puck of Pook's Hill* и *Rewards and Fairies* – локальные тексты, очень «английские»; происходящее в них связано буквально с местной почвой. Не только английская история и легендарика, но и английская литература служат проводниками в мир «подлинной» Англии: благодаря Шекспиру читатели Киплинга уже были знакомы с Паком, Обероном, Титанией и проч.

В легендарном прошлом Британии есть феи, эльфы и другие Жители Холмов, но нет короля Артура. Далеко не всегда перед нами предстают знаменитые исторические личности – скорее, определенные исторические вехи: римская Британия, викинги, христианизация Англии, Нормандское завоевание, тюдоровская эпоха, чума XVII в., Война за независимость в Америке, Наполеоновские войны. Это – точки, необходимые для понимания английской истории. Линию от «Меча Вейланда», через рассказы о Нормандском завоевании, к «Сокровищу и закону» можно воспринимать как основной сюжет первой книги – он передает историю Англии как историю постепенного роста и развития, которая достигает кульми-

---

¹ Здесь и далее перевод мой. – В. С.

² Отсылаем здесь к эссе Дж.Р.Р. Толкина «О волшебных сказках» (*On Fairy Stories*, 1947), где речь идет, в частности, об органичности «историй о Волшебной стране» для английской культуры.

нации в подписании Великой хартии вольностей, утверждающей гражданские права англичанина. Вторая книга больше повествует об открытиях и изобретениях, однако начинаются и заканчиваются обе книги в одной точке. Несомненно влияние на Кипплинга книги Эдварда Фримана «История Нормандского завоевания Англии» (*The History of the Norman Conquest of England: Its Causes and Its Results*, 1867–1879). Фриман верил в основополагающую преемственность английских социально-политических институтов и считал Нормандское завоевание поворотным пунктом английской истории, а не концом ее самобытности.

Важна роль определенного места: действие происходит в Сассексе, среди знаменитых меловых холмов – долина Певенси, холмы Даунс, Чанктобери, остров Уайт и прочее, что окружает детей, непосредственно участвует в повествовании и наполнено для них личностным смыслом. Дети символически вступают в *настоящее* владение землей:

– Но это и так наш собственный луг, – сказал Дэн, отступая. – Ты хочешь отобрать его у нас колдовством?

Пак рассмеялся.

– Я знаю, что он ваш, но эта земля заключает в себе нечто большее, то, о чем вы с вашим отцом понятия не имеете. Держи!

Он взглянул на Юну.

– Давай, – сказала девочка.

Дэн тут же последовал ее примеру.

– Вы двое законным образом вступили во владение всей Старой Англией, – начал Пак нараспев. – Клянусь Дубом, Ясенем и Терновником, отныне вы вольны ходить, смотреть и знать всё, что я вам покажу и что вам захочется повидать самим. Вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, даже если это произошло три тысячи лет назад, и не будете ведать ни страха, ни сомнения. Крепче держите все, что я даю вам! [Kipling, 1996].

Это своего рода духовное краеведение, движение к национальной идентификации и общенациональным ценностям от небольшой точки на карте – буквально от того места, где сидят Дэн и Юна, слушая Пака. Представление об английскости и английских ценностях заключено в «Детской песне», завершающей первую книгу: это трудолюбие, терпение, умение довольствоваться малым, справедливость, защита слабых. «Рождественская песня» в финале *Rewards and Fairies*, в свою очередь, повествует о непрерывности истории. Подлинное наследие Дэна и Юны – культурно-

историческое наследие, говорить о котором невозможно без сказок и легенд; они имеют такое же право на место в памяти, как и чисто исторические сведения. С одной стороны, мир меняется, отказываясь от архаики с ее жестокостью и человеческими жертвоприношениями, с другой – он не перестает быть волшебным, если соблюдены определенные условия. Сама Англия остается все той же точкой входа, порталом в мир легенды, что и две тысячи лет назад. Это ощущение важно для того, чтобы *быть* англичанином; хотя Холмы опустели, всегда были и будут те, кто умеет общаться с фээри и видит скрытое от других.

В книге Ричарда Джеффриза «Бевис: история мальчика» (*Bevis: the Story of a Boy*, 1882) дети играют «в войну», перебирая важные для культуры Британии историко-легендарные сюжеты: они отвергают короля Артура, норманнов и саксов и останавливаются на гражданской войне в Риме, противостоянии Цезаря и Помпея. Таким образом, тема англичан как «новых римлян», наследников великой империи (в частности, преемственность юридической системы служила для англичан предметом гордости со времен Средневековья, в отличие от «варварского» германского права на континенте) заложена в круг детского чтения, побуждающего воображение к усиленной работе. Кроме того, военная игра по столь высоким образцам вырабатывает дисциплину, лидерские качества, умение соблюдать правила и с честью выходить из сложных ситуаций.

– Так-так, – продолжал Тед. – Если на каждой стороне пятнадцать человек, это значит пять солдат, пять капитанов и пять лейтенантов.

– Когорты, – сказал Фил. – Каждая сторона – это когорта, ураа!

– Цыц! – велел Тед. – Я не могу продолжать, пока ты орешь. Цезарь Бевис, мечи готовы?

– Нет, – сказал Бевис. – Надо прикинуть длину и сделать все одинаковые.

Они взяли палку и после долгих споров установили образец. Марк взялся следить за тем, чтобы длиной и толщиной все мечи соответствовали мерке. Рукоятки нужно было прибить или привязать, а концы затупить.

– Не колоть, – предупредил Тед. – Только рубить.

– Да, пырять – это не годится, – сказал Бевис. – И стрелы нельзя, и копья.

<...>

– И не драться кулаками! – крикнуло сразу человек десять. – Только толкаться!

– Отлично, – сказал Бевис. – Нельзя драться кулаками, и подставлять ножку тоже нельзя... а толкаться и бороться можно.

– Бороться, – твердо повторил Тед. – Это хорошо.

– Ты дурак? – тихо спросил Марк у Бевиса, а вслух добавил: – Только бороться по-честному, без всяких штучек!

– По-честному! – загалдели все.

Тед топнул ногой, но что толку? Все были за честный красивый бой [Jefferies, 2011].

Непрерывное фантазирование, соотнесение реальности с книжными сюжетами и образами способствуют воспитанию. Опираясь на прочитанное, под мудрым и ненавязчивым руководством отца, Бевис и его друг Марк учатся плавать и оснащают лодку; втайне от взрослых они играют в войну, мастерят мушкет, наконец, проходят испытание на стойкость – живут на «необитаемом острове». Их выходка, что закономерно, удостоивается поощрения: доказав, что они благоразумны и способны о себе позаботиться, герои в знак признания своей зрелости получают в награду настоящие ружья. Так мальчики становятся мужчинами. В число любимых книг Бевиса входят «Одиссея» (в английском переводе, поскольку герой еще не учится в школе и не знает греческого), «Дон Кихот», «Фауст», стихотворения Шекспира, сборник старинных английских баллад... Знаком он и со средневековым легендарным, и с восточными сказками, и с «Робинзоном Крузо», и с историями великих путешественников и мореплавателей, побывавших в Африке, Индии, Бразилии, Малайзии, Китае. Выбираемые мальчиками сюжеты полны высокой героики и поэзии преодоления. История о покорении природы и освоении новых земель постепенно становится в книге ведущей, хотя не обходится, конечно, без примет колониальной эпохи: «белым людям» оказываются нужны туземные рабы, чтобы управляться с готовкой и прочими неприятными делами.

Книжные сюжеты сопровождают Бевиса непрерывно (так, он строит плот, руководствуясь прочитанным в «Одиссее»), однако не превращают в оторванного от жизни мечтателя – наоборот, они становятся для него подлинным источником знаний. Стремясь воплотить прочитанное и имея почти неограниченное поле для свободной игры и экспериментов, Бевис становится сильнее, опытнее и внимательнее. Он получает возможность для наблюдений за природой, самим собой и окружающими людьми, и, несо-

мненно, такой способ получения знаний надежнее любого школьного урока.

Повесть Уильяма Мейна «Тверди земные» (*Earthfasts*, 1966) продолжает традиции Р. Киплинга и Э. Несбит¹. Герои повести, Кит и Дэвид, живущие в провинциальном английском городке, неподалеку от развалин местного замка встречают мальчика-барабанщика времен Георга IV, который, по его словам, спустился в подземный ход в поисках легендарных сокровищ короля Артура и заблудился. Оставленный им огарок свечи становится своеобразным ключом ко времени; покой городка нарушают волшебные существа – бродящие в поисках пропитания великаны² и богарт. Холмы, леса, древние камни (дольмены), средневековые руины оказываются порталами, через которые обычный мир соприкасается с магическим. Как у Киплинга, история Англии оказывается неотделима от ее легендарiums и «волшебной страны».

Проницаемость времени, возможность соприкосновения с прошлым благодаря своеобразному озарению (или откровению) – тема, неразрывно связанная с темой исторической памяти и культурной традиции в английской детской литературе. Временные сдвиги и разрывы – ощущение, постоянно сопутствующее работе «археологического воображения».

То был свет электрического фонарика от велосипеда Дэвида; фонарик держал Нелли Джек Джон, который очень медленно двигался к ним навстречу. По сравнению с ним они бежали. Казалось, Нелли Джек Джон старался изо всех сил – а еще казалось, что он тоже шел очень быстро. Длинные волосы, видневшиеся из-под кивера, развевались, одежда облепила тело, мальчик наклонился вперед, как от ветра. Однако воздух вокруг был неподвижен.

– Он проталкивается сквозь время, – сказал Кит. – Пытается вернуться [Maune, 1970, p. 145–146].

Пещеры, могильники, подземные ходы³ становятся местом странствия героев в поисках легендарного прошлого или «волшебной страны»; как кэрролловской Алисе пришлось спуститься в

---

¹ Например, повесть «Пятеро детей и Оно» (*Five Children and It*, 1902): дети в обычном мире встречаются с волшебными существами.

² Возможно, Мейн отсылает здесь к сказочной повести Дж.Р.Р. Толкина «Фермер Джайлс из Хэма» (*Farmer Giles of Ham*, 1949).

³ О раскапывании прошлого в рамках концепции «археологического воображения» см., например: [Mackenzie, 1993].

кроличью нору, так герои Мейна протискиваются в расщелину в земле под древними камнями. Физические следы присутствия прошлого на земле и под землей, артефакты или, в случае с «Твердями земными», человек из прошлого, вышедший из-под земли, завораживают героев; неоднократно в произведениях Мейна возникает тема раскопок – исторического и мифологического краеведения. Король Артур становится звеном между реальным и легендарным прошлым Британии: он сам по себе как бы ведет двойную жизнь, будучи исторической личностью и фольклорным персонажем. Поскольку Артур, согласно легенде, спит в пещере под землей, он тоже становится частью ландшафта – в «Твердях земных» он так и остается не найденным.

Роль артурианы в формировании национальной идентичности британцев в XVIII, XIX и начале XX в. трудно переоценить: тема создания великой империи, долга, беззаветного служения своей стране, рыцарских добродетелей не могла обойтись без образа легендарного короля (так, в эпической поэме Эдварда Бульвер-Литтона 1849 г. «Король Артур» тот жертвует жизнью ради будущего процветания Британской империи под властью королевы Виктории). Более того, на протяжении XIX в. король Артур (наряду с Робин Гудом) постепенно делался более «английским», чем «британским» (и тем паче кельтским), в соответствии с теорией превосходства англосаксонской расы. Преемственность эпох в английской традиции ярко отражена в «Твердях земных»: мальчик-барабанщик, перенесшийся из 1742 г. в йоркширскую глубинку 1960-х, обнаруживает, что многое изменилось. Появились асфальтированные дороги, электрические фонари, автомобили. Поначалу он решительно желает вернуться в свое время, однако, убедившись, что это невозможно, смиряется с тем, что ему придется жить в XX в. Мейн дает понять, что, несмотря на все разительные отличия, Нелли Джека Джона многое объединяет с обитателями городка, ставшего его новым домом. Дэвиду и Киту знакома его фамилия – Черри. Когда барабанщик входит в дом, где жил двести лет назад, нынешняя хозяйка немедленно узнает в нем одного из Черри, которые жили тут в старину; старик-сосед оказывается способен проследить свою собственную семейную историю вплоть до брата Нелли Джека Джона. В это сообщество, где все друг друга знают, подросток из XVIII века может вписаться с относительной легкостью. Точно так же никто не удивляется, когда на местной ферме появляется богарт; он, конечно, доставляет некоторые неудобства, но его присутствие не чужеродно – и у богар-

та, и у Нелли Джека Джона есть определенное место, обеспеченное их культурной и территориальной идентичностью.

В фэнтезийном романе Терри Пратчетта (*Dodger*, 2012) действие разворачивается в Лондоне Викторианской эпохи – символически «нагруженном» локусе, отсылающем не только к литературной классике XIX в., но и к современным традициям неовикторианской готики, стимпанка, городского фэнтези. *Dodger* представляет собой, скорее, подростковое (young adult), чем детское фэнтези – главному герою 16–17 лет – однако во многом продолжает, хоть и травестийно, традицию «приключенческой литературы для мальчиков».

В эпоху постмодернизма неовикторианский роман становится способом освоения культурного и литературного наследия Британии; его возникновение вызвано ностальгически окрашенным интересом британцев к эпохе, которая ассоциируется с особым величием, четкими моральными ценностями, определенной эстетикой и истоками многих традиций (белое платье невесты, елка на Рождество, ритуализированное чаепитие и т.д.). Неовикторианство, несомненно, предполагает не только реконструкцию викторианских ценностей, но и их переоценку¹. Тем не менее критическое осмысление не отменяет постоянной актуализации культурных констант прошлого: Викторианская эпоха с ее реалиями служит общим фоном повествования, отсылки к викторианской литературе способствуют узнаванию, пробуждают читательские ассоциации. Интертекстуальная игра с читателем, даже критически настроенным и склонным к деидеализации прошлого, не разрушает, а восстанавливает связь с минувшим.

Согласно послесловию Пратчетта, действие романа разворачивается в первой четверти правления королевы Виктории, между 1837 и 1853 гг. (для этого пришлось изменить некоторые исторические факты, например Роберт Пиль представлен в качестве министра внутренних дел Великобритании, хотя этот пост он занимал при Вильгельме IV). С самого начала, буквально с названия *Dodger* включает нас в контекст викторианской литературы: Artful Dodger – русскоязычным читателям известный как Ловкий Плут –

---

¹ Термин «неовикторианский роман» впервые появился в статье Даны Шиллер [Shiller, 1997]; под ним подразумевается постмодернистский текст, в котором смешаны реальность и вымысел, граница между исторической правдой и фикцией стирается, а изображение прошлого во многом представляет собой набор стереотипов и симулякров, плодов «исторического воображения».

это персонаж «Оливера Твиста». Однако Пратчетт не пытается создать альтернативную историю книжного Плута; более того, «Чарли Диккенс» – у Пратчетта молодой журналист – вряд ли мог бы взять в качестве прототипа того Плута, которого он встречает в пратчеттовском Лондоне. Плут у Пратчетта – не карманник, а «тошер» (tosher), вылавливающий из лондонских сточных канав мелкие монетки, потерянные украшения и т.д. По признанию Пратчетта, вдохновением для него послужили знаменитые очерки Генри Мэйхью «Лондонские труженики и лондонские бедняки» (*London Labour and the London Poor*, 1851), где описаны, в том числе, представители этой профессии. Диккенс также был хорошо знаком с Мэйхью – и в романе Пратчетта появляются они оба.

Плут сталкивается с демоническим парикмахером Суини Тоддом, попадает на аудиенцию к королеве Виктории, знакомится с важнейшими политиками империи – Бенджамином Дизраэли и Робертом Пилем. Диккенсовский Фейджин обретает второе рождение в образе Соломона – еврейского часовщика, эмигрировавшего из России в Европу после погромов; познакомившись в скитаниях с разными культурами, он сделался настоящим космополитом. Именно он, превратившись в своеобразного «Пигмалиона» при неотесанном представителе лондонских низов, помогает Плуту войти в высшее общество и стать привлекательней для спасенной им юной аристократки. Так персонаж обретает исторические корни, перестает быть декоративной фигурой и, хотя не расстается полностью со стереотипами, это, во всяком случае, уже стереотипы другой эпохи.

Пратчеттовский цикл о юной ведьме Тиффани Болен ближе к традициям Киплинга и Мейна. Концепция археологического воображения перенесена в вымышленный мир – уголок Плоского мира под названием Мел (Chalk), напоминающий Сассекс в киплингских рассказах и Оксфордшир, хорошо знакомый самому Пратчетту¹. История начинается с того, что смысленная девятилетняя девочка полна решимости стать ведьмой; для начала, ей придется спасти своего младшего брата из подземного мира, где правит зловещая Королева эльфов. Здесь мы находим отсылки не только к Шекспиру, но и к Киплингу (разыгрывание «Сна в летнюю ночь» в символическое время года, особая значимость лукаса, придающего сил героине, появление волшебных существ, образ

---

¹ См. комментарий С.Б. Лихачевой в издании [Пратчетт, 2017].

ребенка, неразрывно связанного с этой землей, буквально владеющего ей в истинном, т.е. магическом смысле).

Бросая вызов королеве, Тиффани говорит: «Моя земля! Мой мир! Как ты смеешь забирать то, что принадлежит мне!» [Пратчетт, 2017, с. 294]. «Прогони волка, защити овец» – эта мысль смыкается с идеей глубоко аллегорического рассказа Кипплинга «Нож и меловые холмы», герой которого, пастух эпохи неолита, говорит: «The sheep are the people» (буквально «овцы – это люди»¹) [Kipling, 2009]. Простой пастух жертвует правым глазом, чтобы получить нож и спасти соплеменников; его считают богом, «подобным богу Тиру, который отдал правую руку, чтобы победить Зверя» [Kipling, 2009], и отсюда лишь один шаг до жертвы Христа (см., например, притчу о добром пастыре, Ин 10:1–18). Именно подлинная память, в отличие от сна-иллюзии, оказывается для Тиффани спасительной.

Эта земля у меня в костях.

Земля под волной.

Что-то белое.

Оно падало сквозь теплую, тяжелую тьму вокруг – похожее на снег, но мягкое, как пыль. Оно скапливалось горами под ней, она видела белое перед собой.

Создание, похожее на рожок мороженого с множеством усиков, пролетело мимо и исчезло.

«Я под водой», – подумала Тиффани.

Я помню.

Этот миллионлетний дождь под водой, это новая земля рождается на свет, поднимаясь из океанских глубин. Это не сон. Это... память. Земля под волной. Мириады и мириады крохотных ракушек...

Эта земля – живая. <...>

Новые воспоминания потекли в ней.

Кто-то всегда стерег границы. Эти люди не выбирали такую долю. Их выбирали. Кто-то должен заботиться. Порой им приходилось сражаться. Кто-то должен заступиться за тех, кто сам за себя заступиться не может... [Пратчетт, 2017, с. 292–293].

Человек может вырасти и измениться, может перестать жить, как жили его предки, однако связь с родной землей невозможно расторгнуть, и, во всяком случае, правила жизни своего

---

¹ В русском переводе «в овцах наша жизнь».

исконного сообщества следует знать и понимать. В последней книге цикла, «Пастуший венец», повзрослевшая Тиффани понимает: «Мел со мной... Моя земля дает мне силу и поддержку. Она напоминает мне, кто я такая. Я не убийца. Я Тиффани Болен, ведьма Мела» [Pratchett, 2016, p. 231].

Сага Джоан Роулинг о Гарри Поттере, будучи создана в жанре фэнтези (или волшебной сказки), тем не менее во многом продолжает (и закрепляет) традиции классической английской школьной повести / школьного романа, заложенные в середине XIX в. Она возвращает читателя к идее традиционных культурных ценностей, закладываемых традиционным же воспитанием, пусть даже Хогвартс отчасти и модернизирован (так, мальчики и девочки учатся вместе). Школа становится основным местом действия и отчасти даже самостоятельным действующим лицом; главные герои решают типичные школьные проблемы – успеваемость, дисциплина, экзамены, взаимоотношения с одноклассниками и учителями. Кроме того, закрытые частные школы, обучение в которых прошло множество англичан среднего и высшего класса, транслировали свою этику, и в формировании этих, весьма желательных для «настоящего англичанина», качеств также принимала участие литература. Книги о Гарри Поттере сохраняют большинство черт школьной повести, изображая закрытую школу так, как принято было представлять ее в литературе, и передавая множество подлинных реалий (разделение на «дома», внутришкольная самоорганизация, жесткая конкуренция, спорт и т.д.).

Реалии *public school* в книгах о Гарри Поттере очевидны: быт школы и ее иерархия, типичные внутренние конфликты зачастую вплоть до мелких подробностей отражают повседневную жизнь британских школ-пансионов. Школа предстает как небольшой замкнутый мирок, в котором идет полноценная жизнь ученического сообщества, которое, в свою очередь, идентифицирует себя через принадлежность к конкретной школе. Привлечение учеников к самоорганизации призвано вырабатывать ответственность, лидерские качества, сплоченность, умение работать в команде. Спортивные состязания также способствуют атмосфере товарищества, укрепляют чувство принадлежности к «дому» и к учебному заведению в целом; кроме того, необходимая физиче-

ская подготовка в английских частных школах традиционно шла рука об руку с пафосом «мужественного христианства»¹.

Всё это качества, которые классическая британская школа была призвана развивать, сменив прежние, домашние связи. Недавно профессор Минерва Макгонагалл сообщает ученикам:

...ваш дом будет для вас в Хогвартсе чем-то вроде семьи. Вы будете заниматься вместе с другими членами вашего дома, спать в дортуаре вашего дома, проводить свободное время в общей комнате вашего дома. <...> У каждого дома – своя благородная история, из каждого вышли выдающиеся волшебники и волшебницы. Пока вы в Хогвартсе, ваши победы будут приносить дому очки, а за любое нарушение правил очки с дома будут сниматься. В конце года дом, набравший больше всего очков, получит кубок – это великая честь. Надеюсь, каждый из вас будет достоин дома, в котором окажется [Rowling, 2000, p. 126].

Гарри, хочет он или нет, должен учиться зельеварению, даже несмотря на суровое обращение Снейпа. Мальчик преодолевает сложности и сдает экзамен, выказав подлинную силу характера и приобретя навыки, которые пригодятся ему в будущем. В Хогвартсе приветствуются и развиваются те же качества, которые должны были формироваться у ученика традиционной public school (бодрость духа, чувство юмора, умение стойко преодолевать трудности, решать проблемы, не прибегая к помощи старших, готовность в случае провинности достойно принять наказание), и это отметили критики. Так, Ребекка Кнут пишет: «Роулинг воскресила представление о том, что школа может внушить учащимся этические правила, сообразно которым они будут жить» [Knuth, 2012, p. 168]

Родители героя школьной повести XIX и рубежа XIX–XX вв. нередко живут в Индии или иной далекой колонии, и их все равно как бы почти нет. Что ожидающая мальчика школьная жизнь будет интереснее домашней – также естественно, и дело не только в

---

¹ Этот термин чаще всего ассоциируется с Томасом Хьюзом, автором известного романа «Школьные годы Тома Брауна» (*Tom Brown's School Days*, 1857). В широком смысле этот термин стал использоваться в публицистике для обозначения целого ряда ценностей, как то: патриотический долг, мужественность, физическая красота в сочетании с нравственным совершенством, умение «играть честно», дисциплина, самоотверженность, отвержение изнеженности и чрезмерной интеллектуальности (см., например: [Newsome, 1961]).

том, что в семействе Дарсли Гарри держали в черном теле. Это тоже, некоторым образом, необходимый элемент описания: ребенок, уезжающий в школу, начинает новый этап, становясь признанно «большим» и вступая в совершенно другую жизнь.

Взяв практически любую школьную повесть XIX – начала XX в., мы найдем в ней те же приметы, что и в книгах о Гарри Поттере: избранность учеников, сознаваемую ими самими (и в «неволежной» школе зачастую определяемую стоимостью обучения), строгий входной отбор, борьбу за места и баллы по успеваемости, жесткую конкуренцию, возможность ходить в «отпуск» в ближайшую деревню, суровые правила, нарушение которых грозит большими неприятностями (или даже гибелью). В Хогвартсе опасные соревнования и мероприятия, грозящие как минимум увечьем, – норма жизни, пусть даже возможность волшебного исцеления отчасти снимает серьезность происходящего (однако никакое волшебство не спасает Седрика Диггори в «Кубке огня» от гибели). Седрик становится воплощением школьных ценностей (включая любовь к «честной игре», это воплощение «английскости»); к тому же он гибнет, отстаивая честь школы на турнире Трех волшебников. Вообще гибель героя школьной повести вполне вероятна (он может погибнуть от несчастного случая, например сорвавшись со скалы во время прогулки, от болезни и т.д.); впрочем, порой погибали и реальные, не вымышленные школьники. Героическая смерть также вписывается в мир школьной повести – в блеске славы погибает Генри Десмонд, герой повести Хорэса Вачелла «Холм» (*The Hill*, 1905), гимном военной героинке звучит финал «Сталки и компании» Киплинга.

«Книга про худших в мире родителей» (*The World's Worst Parents*, 2020), написанная Дэвидом Уольтямсом, – комиком, киноактером и популярным детским писателем, по отзывам критики, продолжающим традицию Роальда Дала, – во многом построена на стереотипизации. Заметим, что Уольтямс известен, в том числе, по работе над скетч-сериалом «Маленькая Британия» (*Little Britain*), изображающим «типичных представителей» британского общества (служащие, продавцы, рабочие, учителя, неформальные подростки и т.д.). Герои «Худших в мире родителей», как правило, «маленькие люди», нередко живущие в пригороде или в провинции: мисс Гьютор – учительница и мать-одиночка, Монти Монополист работает упаковщиком на фабрике, Барри Бой – бодибилдер, вступающий в пабах, Пэт Паттерсон – уборщица. Почти в каждом рассказе, входящем в книгу, перед нами возникает тот или иной

шаблон: чаепитие, любовь к «Формуле-1», культ собак, стояние в очередях как типичная черта британцев, надменные аристократы, отправляющие детей в закрытые школы до совершеннолетия.

Одновременно высмеивание и признание, умение взглянуть на «типичного британца» с юмором – вот основной инструмент «Худших родителей». «Столпы» британской культуры доведены до абсурда: любовь к очередям маниакальна, а книги Диккенса и Джейн Остен предстают в виде метательных снарядов, с помощью которых библиотекарша расправляется со школьными хулиганами (классическую литературу, образно выражаясь, вбивают им в голову). Стереотип служит средством фиксации и передачи культурной памяти: британцы способны относиться иронически к своим чертам и привычкам, которые могут показаться нелепыми, но не стремятся от них отказываться. Тем более что в книге высмеиваются вовсе не сами эти черты, а поведение неумных, легкомысленных или жестоких взрослых: плоха не любовь к собакам, а то, что Поза Песель, наполнившая дом животными, готова выгнать на улицу дочь; Гарриэт – фанатка «Формулы-1» – подвергает опасности детей, постоянно превышая скорость; стояние в очередях оказывается лучше, чем вранье и попытки любой ценой обмануть систему.

Уольтямс, в свою очередь, сам оказался мишенью жесткой критики – за излишнюю стереотипизацию, не просто высмеивающую чудачества британцев, а граничащую с дискриминацией. «Лорд Грандиоз в той же книге представлен следующим образом: “Он никогда не смеялся, а если видел что-нибудь забавное, например страдания бедняков...” <...> Мне пришлось закрыть книжку и объяснить сыну, что бедность – это не смешно. Конечно, это сарказм, основанный на стереотипном представлении о лордах, но не стоит забывать, что большинство детей, читающих эти книги, еще не способны улавливать двойной смысл. И это не единственный стереотип, на котором построены шутки Уольтямса. Людей в очках он регулярно называет “четырёхглазыми”, некоторых персонажей – “жирными”; то и другое он использует как ругательства с целью помешать восприимчивых детей» [Powell, 2020].

Как можно увидеть на читательских сайтах, мнения разделились: одни читатели поддерживают критику Уольтямса, другие полагают, что ребенок способен отличить вложенную в уста отрицательного персонажа шутку от выражения авторской позиции и что британское чувство юмора имеет право быть неоднозначным. Так или иначе, книги Уольтямса оказались в эпицентре споров о содержа-

нии детской литературы и о том, какую картину мира она формирует у ребенка; представление о безобидном клише, о стереотипизации как инструменте комического сталкивается с необходимостью борьбы со стереотипами (классовыми, этническими, гендерными и т.д.). Таким образом, вольно или невольно современный автор обращает не только маленького читателя, но и его родителей к размышлениям о традициях, их эволюции и границах допустимого.

Список литературы

1. *Велигорский Г.А.* Творчество Кеннета Грэма и английский неоромантизм : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2019. – 190 с.
2. *Пратчетт Т.* Маленький свободный народец. – Москва : Эксмо, 2017. – 349 с.
3. *Campbell N.* Children's neo-Romanticism : the archaeological imagination in British post-war children's fantasy. Doctoral thesis. – Roehampton : Univ. of Roehampton, 2017. – 353 p.
4. *Henty G.A.* With Clive in India : or, the Beginnings of an Empire. – 2006. – 15.07. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/18833/pg18833-images.html> (date of access: 10.05.2024).
5. *Jefferies R.* Bevis : the story of a boy. – 2011. – 11.08. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/35930/pg35930-images.html> (date of access: 10.05.2024)
6. *Kipling R.* Puck of Pook's Hill. – 1996. – 1.06. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/557/pg557-images.html> (date of access: 10.05.2024).
7. *Kipling R.* Rewards and fairies. – 2009. – 28.11. – URL: https://www.gutenberg.org/files/556/556-h/556-h.htm#link2H_4_0040 (date of access: 10.05.2024).
8. *Knuth R.* Children's literature and British identity : imagining a people and a nation. – Plymouth : The Scarecrow press, 2012. – 209 p.
9. *Mackenzie D.* Archeological imagination. – 1993. – URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_puck_intro.htm (date of access: 10.05.2024).
10. *Mayne W.* The Earthfasts. – New York : Dutton, 1970. – 154 p.
11. *Newsome D.* Godliness and good learning : four studies on a Victorian ideal. – London : John Murray publishers Ltd, 1961. – 291 p.
12. *Powell M.* Children should not be reading David Walliams' books // The Boar. – 2020. – 29.07. – URL: <https://theboar.org/2020/07/children-not-reading-david-walliams/> (date of access: 10.05.2024).
13. *Pratchett T.* The shepherd's crown. – Anstey : Isis, 2016. – 332 p.
14. *Rowling J.* Harry Potter and the Philosopher's stone. – London : Bloomsbury, 2000. – 332 p.
15. *Shiller D.* The redemptive past in the neo-Victorian novel // Studies in the novel. – 1997. – Vol. 29, N 4. – P. 538–560.